

DOI 10.15593/2409-5125/2016.04.01

УДК 711.4

Е.О. Савельева

Пермский национальный исследовательский
политехнический университет

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ МЕТОДОЛОГИИ ГОРОДСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

Все более заметным становится разрыв между современными проблемами городов и наиболее распространенными на сегодня методами традиционного городского планирования, сложившиеся в XX столетии. Для эффективного управления развитием города в новых условиях требуется не просто обновление методов при помощи технических достижений, но изменение подхода в целом – смена парадигмы городского планирования. В статье анализируются истоки сегодняшней методологии городского планирования – двух ее доминирующих направлений: в начале с исторической, а затем с философской точки зрения.

В первой части статьи предложен исторический обзор развития теории и методологии городского планирования: его зарождение, постепенное отделение от архитектуры и становление в качестве самостоятельной сферы деятельности, последующее сближение с общественными науками. Во второй части рассмотрены философские основания двух парадигм современной методологии городского планирования: рациональный подход к планированию (rational planning) и коммуникативный подход к планированию (communicative planning). В заключение сделана попытка интегрировать оба подхода, что потребует изменений не только со стороны самих городских планировщиков, обретающих теперь новую роль – медиаторов, но и в сознании рядовых горожан.

Ключевые слова: методология городского планирования, рациональное планирование, коммуникативное планирование.

Город – это сложный и быстро меняющийся организм, формирующийся под влиянием целого ряда факторов местного и глобального значения. Воздействие глобализации можно увидеть в какой-то степени в большинстве городов, что неизбежно влечет за собой глубокие последствия для городского планирования. Это не

только открывает новые возможности, но и создает новые проблемы и трудности для планировщиков. Традиционное городское планирование, сложившееся еще в первой половине прошлого века, сегодня зачастую не может предложить необходимые инструменты для решения задач, стоящих перед муниципальными властями. Особенно заметен этот разрыв между устаревшими методами планирования и современными городскими проблемами в развивающихся странах и странах постсоветского пространства, в том числе в России. Это объясняется, прежде всего, серьезным отставанием в развитии школы городского планирования, поздним установлением городского планирования как профессии и, как следствие, дефицитом квалифицированных местных специалистов. Специфика постсоветских стран состоит в том, что городское планирование долгое время развивалось как часть административно-командной системы, а ее отмена привела к потере оснований для градопланировщиков [1]. Современная российская школа городского планирования пока находится в состоянии становления, и методологические принципы и подходы, которые будут взяты в качестве основополагающих, во многом определяют ее развитие.

Методы, инструменты и в целом подход к городскому планированию могут заметно отличаться не только в разных странах и городах, но и среди отдельных профессионалов. Решения, предлагаемые практикующими планировщиками, отражают те идеи, под влиянием которых они развивались. Подход к работе сегодняшних урбанистов формируют те книги, которые они прочитали, те города, которые посетили, и не в последнюю очередь те философские взгляды, которые они разделяют. Предлагаю проследить за тем, как городское планирование с момента его зарождения менялось вместе с обществом, служа отражением текущей политической и экономической ситуации, господствующего мировоззрения и эстетических взглядов, а также рассмотреть основные подходы, доминирующие в методологическом поле городского планирования сегодня.

Эволюция подходов к городскому планированию. Свидетельства о первых спланированных, отличных от органических, городских формах содержатся еще в древних текстах, дошедших до нас. Основы современной теории градостроительства (как впрочем

и культуры, искусства, философии и любого другого аспекта западной цивилизации) закладываются еще в Древней Греции с развитием традиции регулярной планировки. Однако предметом специального изучения и целостным объектом для проектирования город становится только в эпоху Возрождения. В этот период большое внимание уделяется физической форме города и его пространственной композиции. Появляются универсальные проекты поселений или модели Идеального города, что становится первым шагом на пути к такому явлению XX в., как модернизм. Планировочные решения того времени отвечают прежде всего эстетическим требованиям и представляют собой различные комбинации геометрических фигур. Контуры города могут иметь форму звезды или многоугольника, вписанного в круг, либо быть производными от человеческой фигуры. При этом утилитарные соображения часто уходят на второй план, а все необходимые для функционирования города постройки вписываются в орнаментальный рисунок плана [2].

Художественное мышление сменяется научно-технологическим подходом в эпоху индустриализации. Разрастание стихийной промышленной застройки, пережатости рабочих, переуплотненность и антисанитария – эти принципиально новые проблемы приводят к переосмыслению методических основ городского планирования. В духе господствующего в то время наукоцентризма формируется и становится доминирующим рациональный подход к планированию, основанный на точном расчете, анализе и моделировании. Художественные принципы теперь имеют вес только в архитектурном проектировании, а в градостроительстве на первый план выходит функционализм и необходимость решения назревших социальных, экологических и транспортных проблем. На рубеже XIX–XX вв. появляются такие градостроительные концепции, как Город-сад Эбенизера Говарда, Линейный город А. Сория-и-Мата, Индустриальный город Тони Гарнье. На первый взгляд разные, все они направлены на поиск оптимальной организации поселений и связей жилья и мест приложения труда. В первые десятилетия XX в. происходит постепенный отход от представления о городе как самодостаточном, замкнутом объекте и расширение границ планирования до систем взаимосвязанных поселений.

В то же время появляются и такие оторванные от реальности градостроительные утопии, как План Вуазен и Лучезарный город Ле Корбюзье. В полной мере отвечающие духу модернизма проекты Ле Корбюзье отвергают весь прошлый опыт градостроительства и представляют собой четкий геометрический рисунок из башен, возвышающихся среди зелени и автомагистралей. Несмотря на свою утопичность, концепции Ле Корбюзье оказывают мощное влияние на архитектуру и градостроительство Европы и воплощаются на практике в послевоенной высотной жилой застройке: для быстрого решения проблемы дефицита жилья строятся одноподъездные жилые башни, часто без какого-либо социально-бытового обеспечения [3]. Так идеи модернизма, нацеленные на создание комфортного для проживания человека города, на практике приводят к формированию антигуманной окружающей среды и обезличиванию городского пространства [4, с.38].

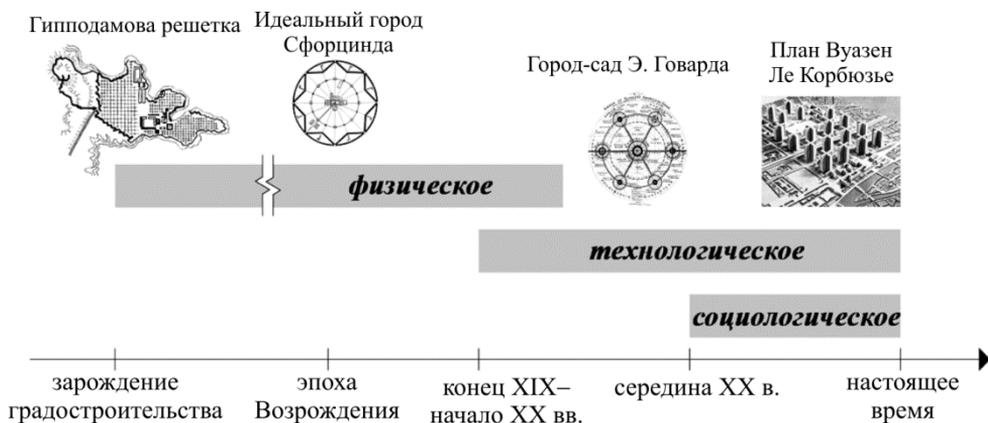

Рис. 1. Хронологическая схема развития городского планирования

Резкой критике модернизм впервые подвергается в книге «Смерть и жизнь больших американских городов» Джейн Джекобс [5]. Проповедуя идею «очеловечевания» города как объекта проектирования, Джекобс предлагает взглянуть на него не сверху глазами специалиста, а из окна своего дома во двор и на улицу глазами простого горожанина. С нее начинается формирование нового, социального подхода к городскому планированию и поворот в сторону «диалога» с общественностью в вопросах исследований и практики планирования. Необходимость участия горожан

в процессе формирования городской среды и учета их интересов закрепляется во всех законодательных нормах градостроительного права, а на местном уровне развиваются городские сообщества и городской активизм.

В это время в Советском Союзе, отгородившимся от запада железным занавесом, градостроительство как будто также поставлено «на службу обществу». Однако в условиях административно-командной системы городское планирование имеет характер централизованной деятельности и развивается как часть общих программ и планов социально-экономического развития городов, а представления о нуждах горожан черпаются из нормативных документов. Градостроительное проектирование ведется на основе системы руководящих документов – СНиП, всевозможных руководств и методических указаний – для создания наилучших условий для развития производства и минимально комфортных (но зато равных!) условий для населения.

С распадом Советского Союза разрушается и развитая школа советского градостроительства. В переходный период городское планирование как вид деятельности теряет свою значимость, объем и эффективность работ по градостроительному проектированию резко снижаются, а управление городской застройкой происходит «в ручном режиме». С начала 2000-х гг. происходит постепенное восстановление профессии и всей системы, однако значительное отставание от стран, давно и успешно развивающих городское планирование (Великобритания, Германия, Нидерланды, США), заметно и в этой сфере. Тогда как на Западе со временем появляется альтернатива рациональному подходу к городскому планированию, в России технократический этап еще не завершился.

Современные течения методологии городского планирования и их философские основания. Из исторического обзора становится очевидным, что на протяжении всей истории городские планировщики искали идеальную форму пространственной организации города – сначала с эстетической точки зрения, позднее с точки зрения рациональной функциональной организации. Представления об идеальном/эффективном/комфортном городе и подходы к поиску оптимальных градостроительных решений эволюционировали в логике развития человеческой культуры

в целом. Вектор научного прогресса и развития философской мысли определили пути совершенствования методологии городского планирования.

До середины прошлого столетия городское планирование традиционно ассоциировалось с увеличением власти человека над природной и социальной средой при помощи рациональных методов. Это более или менее традиционное понимание сути городского планирования, сложившееся в эпоху модерна. Рациональный подход в городском планировании заимствован в значительной степени из естественных наук и сложился под влиянием картезианства. В основе философии Декарта лежит стремление к достоверному знанию, которое человек в состоянии получить только при помощи разума.

Философия Просвещения и классическая наука стали историческими предпосылками формирования позитивистского подхода к социальным наукам, в котором основной целью становится поиск одного единственно верного решения на основе надежного эмпирического подхода [6]. Краеугольным камнем модернистского градостроительства стала вера в достижение всеобщего благополучия с помощью научного подхода в социальных науках по образцу естественных наук.

В методологии городского планирования позитивистские принципы реализовались в так называемом *Comprehensive Rational Approach to Planning* (комплексный рациональный подход), основанном на предположении о том, что наилучший план развития может быть скалькулирован однозначно и безошибочно. Суть рационального подхода состоит в том, что лица, принимающие решения, оценивают альтернативные предложения с точки зрения наиболее благоприятного соотношения между достижением целей и использованием ресурсов. Этот подход достиг максимума в США в 1930–1970-х гг., начиная с «Нового курса» Рузвельта и развития экономического планирования и прогнозирования, а также компьютерных технологий после Второй мировой войны [7].

Позитивистский подход к планированию воплотился, например, в Афинской хартии, идейным лидером создания которой был Ле Корбюзье. Опубликованная в 1933 г., она стала модерни-

стским манифестом преобразования урбанизированных территорий в функциональные города и попыткой сформулировать единые принципы градостроительства. Постулаты Хартии были основаны на результатах изучения планировки и застройки 33 крупнейших городов мира. В качестве основных путей решения всех градостроительных проблем Хартия предлагала физическое планирование по единообразным канонам без учета социально-экономических аспектов и национальных архитектурных особенностей.

Позитивистский подход имел большое влияние на практику городского планирования. Это влияние четко прослеживается в таких инструментах городского планирования, как мастер-планирование и зонирование территории. При подготовке мастер-планов (или генеральных планов) разработчики пытаются спрогнозировать пути развития города при помощи научно обоснованного анализа и расчетов и на этой основе дать руководящие указания по размещению тех или иных объектов, необходимых с их точки зрения населению. Сегодня комплексный рациональный подход в области городского планирования наиболее распространен, в особенности в развивающихся странах, и именно поэтому планирование в этих странах носит настолько технократический характер, без вовлечения общественности в процесс планирования [8].

Однако такой подход вызывает все больше критики со стороны ученых и практиков. Тезис, на котором он основан, – «специалисты знают как лучше» – приводит к тому, что учет мнения и желания населения теряет смысл. К тому же, в условиях реального города чрезвычайно трудно (если не невозможно) определить «оптимальную» схему или программу развития как ввиду отсутствия необходимой информации, так и вследствие неоднозначности критериев такой оптимальности.

На практике городское планирование является не только техническим, но и политическим процессом, а объективность и нейтральность специалистов оказывается не более чем иллюзией. Даже оставив за скобками коррупционную составляющую, можно утверждать, что при принятии решений специалисты неосознанно склоняются в пользу «практического воздействия на мир», т.е. интересов государственной бюрократии и девелопмента [9].

Особенно серьезной критике широко распространенное на тот момент рациональное планирование подверглось на Западе в 1960-х гг. Одной из радикальных точек зрения стало представление рационального подхода в качестве механизма отъема права на жилище у населения центральной части городов, не имевшего возможности защитить себя от «научно обоснованного» решения городских властей ввиду недостаточности образования и средств на профессиональных консультантов [8, с. 99]. Результатом протестных движений стало появление серии моделей планирования, основанных на проведении коллективных обсуждений. Такой подход подразумевал расширение участия местного населения и других заинтересованных сторон в принятии тех или иных решений о застройке города.

Одной из моделей «коммуникативного склада» является *Communicative Planning Approach* (также в литературе встречаются *planning through debate, argumentative lanning, collaborative planning*) [10, 11]. Эта модель планирования основана на Теории коммуникативного действия немецкого философа и социолога, представителя франкфуртской школы Юргена Хабермаса [12]. Появлению теории предшествовало изучение процессов, происходящих в немецком обществе после Второй мировой войны, когда нацизм разрушил культуру демократических переговоров. Поиск условий для обеспечения лучшей общественной интеграции и создания более демократического общества дало импульс к созданию теории [13].

В основе теории – необходимость достижения консенсуса при помощи коммуникативного действия на основе понимания и взаимного признания притязаний. По Хабермасу, подлинный консенсус возможен только в «ситуации идеальной речи» (*ideal speech situation*), когда все высказывания участников «понятны, правдивы, искренни и легитимны». Хотя такая «идеальная речь» принципиально недостижима, она служит мерилем для оценки реальных коммуникаций. При этом Хабермас неоднократно подчеркивал практическую значимость своей теории. Ее назначение он видел в устранении коммуникативных барьеров и уничтожении псевдокоммуникаций, которые могут быть результатом культурной, временной или социальной дистанции, герменевтических проблем, а также манипуляции [14].

В теорию и практику городского планирования теория коммуникативного действия привнесла, прежде всего, понимание необходимости участия в нем более широкого круга лиц: не только специалистов, но и стейкхолдеров (заинтересованных сторон) и населения. Принятие решений в области городского планирования в большинстве случаев имеет политический характер и зачастую связано с конфликтом вокруг земли и ресурсов. Главная функция городского планирования в таких конфликтах – посредническая. Коммуникативное планирование особенно оправдано в случае, когда ни одна заинтересованная сторона не может добиться своей цели без согласования с другими. Цель такого подхода – свести всех причастных к вопросу вместе в условиях отсутствия принуждения и доминирования, равного доступа к информации и представления всех без исключения относящихся к делу интересов.

Городское планирование в эпоху постмодерна. С момента зарождения городского планирования представления об идеальном городе все время менялись; художниками, инженерами и архитекторами было предложено множество вариантов проектов и моделей, однако специалистам так и не удалось создать «правильный» во всех отношениях город.

Сегодня ясно, что город не является простой совокупностью улиц и зданий. Это неоднородная и многокомпонентная социально-пространственная система, и учет всего спектра элементов, ее составляющих, подразумевает такой уровень сложности и детализации, который никогда не может быть достигнут на практике. Конечно, технические возможности современных планировщиков значительно шире по сравнению с тем, что было доступно их предшественникам еще два десятка лет назад. Однако, даже имея в своем распоряжении такие мощные инструменты, как ГИС, базы данных и аналитические программные комплексы [15], современные проектировщики и городские планировщики тем не менее вынуждены работать с упрощенными в значительной степени моделями или схемами города. А решения, принятые на основе такого моделирования, не всегда дают ожидаемые результаты, когда применяются в реальном городе.

Традиционное планирование часто приводит к тому, что прогноз планировщиков не соответствует ситуации, складывающейся в действительности, представления планировщиков о благе, а сле-

довательно, мероприятия, намеченные в официальных документах, не отвечают ожиданиями общественности, а то, что запланировано, не совпадает с тем, что в конечном итоге реализовано. Последнее особенно проявляет себя в развивающихся странах, где под давлением вышестоящих властей или в угоду сиюминутным интересам в градостроительную документацию часто вносятся изменения, ни в коей мере не отвечающие заложенному общему курсу развития и стратегическим интересам города (что отнюдь не укрепляет авторитет городских планировщиков и престиж профессии)¹.

Выбор пути развития успешного города не может происходить исключительно по схеме top-down (сверху-вниз) и оставаться прерогативой избранных – местных органов власти и экспертов. Для повышения эффективности градостроительных решений их необходимо согласовывать со всеми субъектами городской жизни – населением и бизнесом, интересы которых не всегда совпадают. Необходимо признать, что современное городское планирование всегда тесно связано с политикой. Это комплексный процесс, требующий не только технического мастерства, но и коммуникативных навыков, в том числе способности урегулирования конфликтов в ситуации, для которой характерны социально-экономические и культурные различия.

Коммуникативное планирование способно предложить эффективный инструментарий для принятия решений в современных условиях постоянного столкновения интересов. При этом коммуникативный подход, на мой взгляд, не заменит в полной мере традиционное планирование, а будет сосуществовать с рациональными методами. Какова же будет роль специалиста-градопланировщика в этом новом типе городского планирования? Будет ли он лишь одной из сторон, представляющих конкретную точку зрения, или станет модерировать весь процесс коммуникации с учетом своего технического превосходства?

Вероятнее всего, в процессе городского планирования должны участвовать совершенно разные специалисты: не только разных сфер (жилищная политика, транспорт, здравоохранение и проч.), но

---

¹ Здесь показателен пример г. Перми, когда в Генеральный план спустя всего три года после его утверждения были внесены 17 изменений, противоречивших основной идее документа – концепции компактного города [16].

и разной принадлежности – представители администрации наряду с представителями общественных организаций и политическими активистами. Эксперты-планировщики должны выступать в качестве посредников между различными группами и судить о технической осуществимости идей, выдвинутых участниками. Кроме того, они в состоянии интегрировать различные точки зрения в оперативную программу действий или документ. Это означает, что новый тип городского планирования потребует различных квалификаций специалистов-градостроителей. Тем не менее от всех них помимо знаний в конкретных областях планирования обязательно потребуются специальные знания в области методов коммуникации. Поэтому современные учебные программы должны быть расширены соответствующим образом с включением в них дисциплин, развивающих особые компетенции в дополнение к техническим навыкам (например, этика планирования).

На рис. 2 представлена попытка схематично отразить процесс городского планирования при использовании интегрированного подхода. Особенностью нового типа планирования является то, что общественное мнение, официальная позиция и интересы сторон не только влияют на процесс принятия решений, но и сами могут измениться в этом процессе (это взаимное влияние обозначено двунаправленными стрелками).

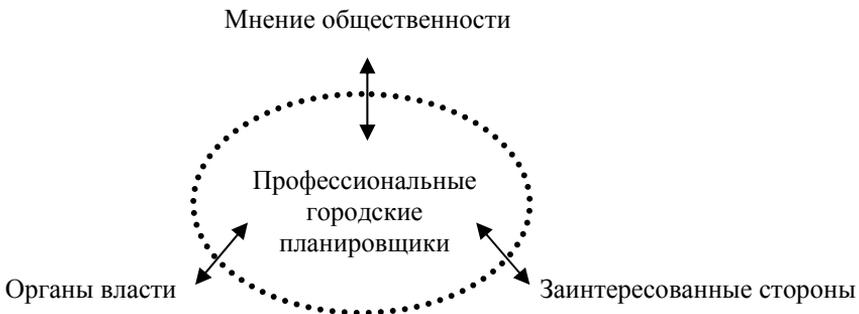

Рис. 2. Схема интегрированного подхода к городскому планированию

В западных странах коммуникативные идеи в теории городского планирования развиваются с конца прошлого столетия, а сегодня этот подход становится все более востребованным и среди практикующих профессионалов в Великобритании, Нидерландах,

странах Скандинавии и других странах-передовиках в области городского планирования. В Россию только сейчас приходит осознание важности общественного участия. В период коммунистического правления городская застройка определялась контрольными цифрами развития экономики, «спущенными» национальными властями без учета местных потребностей. В постсоветское двадцатилетие градостроительную политику диктовали интересы городской экономики, которые часто смешивались с интересами конкретных инвесторов и девелоперов. Сегодня мы во многом продолжаем тиражировать советские практики технократического планирования. Основные документы, определяющие развитие городов, – генеральные планы – часто напоминают утопии, не имеющие отношения к реально доступным ресурсам, и предлагаются на суд общественности уже полностью в готовом виде [17]. А существующая процедура публичных слушаний, закреплённая законодательно, – это скорее имитация общественного участия, которая не решает, а маскирует проблему отсутствия взаимодействия между властью, бизнесом и обществом [18].

На рис. 3 представлен пример применения технократического городского планирования: расположение жилых домов в направлении север-юг, чтобы максимизировать доступ солнечного света; широкомасштабное освоение в течение короткого периода с пренебрежением к существующей городской ткани; однообразию и монотонности застройки.

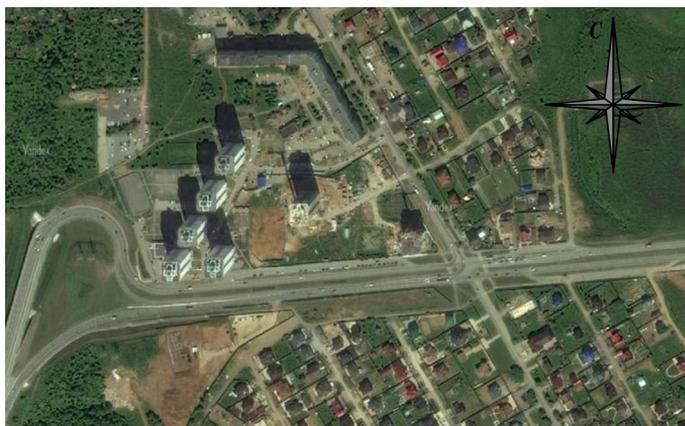

Рис. 3. Пример применения технократического городского планирования жилой застройки в г. Перми

Для развития коммуникативного планирования в России необходимо расширить текущие минимальные требования общественного участия и обеспечить консультации на всех этапах процесса градостроительного планирования, при этом их результаты должны носить не рекомендательный, а обязательный характер. Субъектом, который представлял бы обычного жителя, должны стать городские сообщества [19]. Развитые городские сообщества способны не только защищать интересы населения при реализации каких-либо крупных проектов, но и инициировать новые, основываясь на знании нужд горожан. Хотя большая часть населения российских городов пока не включена ни в какие социальные институты и по сути инертна, уже сегодня в большинстве из них существует такая форма реального участия горожан в формировании городской среды, как «партизанинг», или городской активизм. Для формирования действительно эффективных городских сообществ требуется время, и изменения прежде всего должны произойти в мышлении местных властей, девелоперов, специалистов-планировщиков и, не в последнюю очередь, самих горожан.

Библиографический список

1. Golubchikov O. Urban Planning in Russia: Towards the Market // European Planning Studies. – 2004. – № 12(2). – P. 229–247.
2. Kostof S. The city shaped: urban patterns and meanings through history. – London: Thames and Hudson, 1991. – 352 p.
3. Глазычев В.Л. Урбанистика. – М.: Европа, 2008. – 220 с.
4. Гутнов А.Э. Эволюция градостроительства. – М.: Стройиздат, 1984. – 256 с.
5. Джекобс Дж. Смерть и жизнь больших американских городов. – М.: Новое издательство, 2011. – 460 с.
6. Степин В.С. Философия науки: общие проблемы: учеб. для асп. и соиск. уч. ст. канд. наук. – М.: Гардарики, 2006. – 384 с.
7. Goldstein B. How communicative planning can help counties reduce the impact of Land use change on bio-diversity, while other planning frameworks fall short: a conceptual blueprint for the Californian Bio-diversity Project // ESRI 1996 user conference. – Honolulu, 1996. – P. 232–247.
8. Глобальный доклад о населенных пунктах. Планирование устойчивых городов: направления стратегии. ООН Хабитат. – Лондон Стерлинг, Вирджиния, 2009. – 120 с.
9. Ситар С. SPACED: междисциплинарность и гуманитарный поворот [Электронный ресурс] // Московский урбанистический форум. – М., 2013. – URL:

https://issuu.com/mosurbanforum/docs/_d_uf_188-205_chapter_3_-_moscow (дата обращения 10.04.2016).

10. Healey P. Collaborative Planning: Shaping Places in Fragmented Societies. – Basingstoke: Macmillan, 1997. – 339 p.

11. Tewdwr-Jones M., Allmendinger P. Communicative planning, collaborative planning and the post-positivist planning theory // *Planning Futures: New Directions for Planning Theory*. – London: Routledge, 2002. – P. 206–216.

12. Taylor N. *Urban planning theory since 1945*. – London: Sage, 1998. – 183 p.

13. Вербилович О. Е. Теория коммуникативного действия: ключевые категории и познавательный потенциал // *Публичная сфера: теория, методология, кейс-стадии: моногр.* – М., 2013. – С. 35–52.

14. Hillier J. *The Shadows of Power: An Allegory of Prudence in Land-Use Planning*. – London: Routledge, 2002. – 344 p.

15. Комплексная модель пространственного развития как основа системы поддержки принятия решений в области территориального планирования / А.Ю. Завьялов, С.В. Максимова, Д.Н. Шульц, П.С. Микушин, П.З. Лоренс // *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Урбанистика.* – 2013. – № 4 (12). – С. 10–20.

16. Краткая пояснительная записка о результатах исследовательской работы по теме «Оценка предложений о внесении изменений в Генеральный план города Перми, утвержденный решением Пермской городской Думы от 17.12.2010 № 205» / МБУ «Бюро городских проектов». – Пермь, 2013. – URL: <http://permgenplan.ru/vnesenie-izmenenij-v-generalnyij-plan>.

17. Стародубцева Е.О. Применение западного опыта планирования в постсоветских реалиях. Исследование на примере Стратегического мастер-плана г. Перми // *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Урбанистика.* – 2012. – № 4(8). – С. 7–22.

18. Чернова Е. Почему общественные пространства в России — это имитация урбанистики [Электронный ресурс] // *The Village*. – М., 2014. – URL: <http://www.the-village.ru/village/city/direct-speech> (дата обращения: 10.04.2016).

19. Щукин А. Люди, имеющие право на город // *Эксперт*. – 2015. – № 16. – С. 15–21.

References

1. Golubchikov O. Urban Planning in Russia: Towards the Market'. *European Planning Studies*, 2004, no. 12 (2), pp. 229–247.

2. Kostof S. *The city shaped: urban patterns and meanings through history*. London: Thames and Hudson, 1991. 352 p.

3. Glazychev V.L. *Urbanistica [Urban studies]*. Moscow: Evropa, 2008. 220 p.

4. Gutnov A.E. *Evolutsiya gradostroitel'stva [Evolution of urban planning]*. Moscow: Strojizdat, 1984. 256 p.

5. Dzhekobs Dzh. *Smert' i zhizn' bol'shikh amerikanskikh gorodov [The Death and Life of Great American Cities]*. Moscow: Novoye izdatel'stvo, 2011. 460 p.

6. Stepin V.S. *Filosofiya nauki: obshchie problemy* [Philosophy of science: Common problems]. Moscow: Gardariki, 2006. 384 p.
7. Goldstein B. How communicative planning can help counties reduce the impact of Land use change on bio-diversity, while other planning frameworks fall short: a conceptual blueprint for the Californian Bio-diversity Project. *ESRI 1996 user conference*. Honolulu, 1996, pp. 232–247.
8. UN Habitat. *Global'nyj doklad o naseleennykh punktakh. Planirovaniye ustoychivyykh gorodov: napravleniya strategii* [Global Report on settlements. Planning Sustainable Cities: directions of strategy]. London Sterling, Virginia, 2009. 120 p.
9. Sitar S. SPACED: mezhdistsiplinarnost' i gumanitarnyj povorot [SPACED: interdisciplinarity and humanitarian twist]. *Moskovskij urbanisticheskij forum*. Moscow, 2013, available at: https://issuu.com/mosurbanforum/docs/_d_uf_188-205_chapter_3_-_moscow (accessed 10 April 2016).
10. Healey P. *Collaborative Planning: Shaping Places in Fragmented Societies*. Basingstoke: Macmillan, 1997. 339 p.
11. Tewdwr-Jones M., Allmendinger P. Communicative planning, collaborative planning and the post-positivist planning theory. *Planning Futures: New Directions for Planning Theory*. London: Routledge, 2002, pp. 206–216.
12. Taylor N. *Urban planning theory since 1945*. London: Sage, 1998. 183 p.
13. Verbilovich O.E. *Teoriya kommunikativnogo deystviya: klyuchevyye kategorii i poznavatel'nyj potentsial* [Theory of communicative action: key categories and cognitive potential]. *Publichnaya sfera: teoriya, metodologiya, kejs stadii*. Moscow, 2013, pp. 35–52.
14. Hillier J. *The Shadows of Power: An Allegory of Prudence in Land-Use Planning*. London: Routledge, 2002. 344 p.
15. Zavyalov A.Yu., Maksimova S.V., Shults D.N., Mikushin P.S., Lorens P.Z. *Kompleksnaya model prostranstvennogo razvitiya kak osnova sistemy podderzhki prinyatiya reshenij v oblasti territorialnogo planirovaniya* [Integrated model of spatial development as a basis of planning support systems]. *Vestnik Permskogo natsionalnogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Urbanistika*, 2013, no. 4 (12), pp. 10–20.
16. *Kratkaya poyasnitel'naya zapiska o rezul'tatakh issledovatel'skoj raboty po teme «Otsenka predlozhenij o vnesenii izmenenij v General'nyj plan goroda Permi, utverzhdennyi resheniyem Permskoj gorodskoj Dumy ot 17.12.2010 № 205»* [Executive Summary of the results of research on "Evaluation of the proposals to amend the General plan of Perm, approved by decision of the Perm City Duma from 17.12.2010 number 205]. MBU «Byuro gorodskikh proektov». Perm, 2013, available at: <http://permgenplan.ru/vnesenie-izmenenij-v-generalnyj-plan>.
17. Starodubtseva E.O. *Primenenie zapadnogo opyta planirovaniya v post-sovetskikh realiyakh. Issledovaniye na primere Strategicheskogo master-plana g. Permi* [‘Situating’ Western Planning Ideas Within the Post-Soviet Realities. The Case Study of Perm, Russia]. *Vestnik Permskogo natsionalnogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Urbanistika*, 2012, no. 4(8), pp. 7–22.
18. Chernova E. *Pochemu obshchestvennyye prostranstva v Rossii — eto imitatsiya urbanistiki* [Why public space in Russia is an imitation of urban planning]. *The*

Village. Moscow, 2014, available at: <http://www.the-village.ru/village/city/direct-speech> (accessed 10 April 2016).

19. Shchukin A. Lyudi, imeyushchiye pravo na gorod [People have the right to the city]. *Ekspert*, 2015, no.16, pp. 15–21.

Получено 11.08.2016

E. Saveleva

HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL ASPECTS OF MODERN URBAN PLANNING METHODOLOGY

The gap between modern problems of cities and methods of traditional urban planning developed in the twentieth century is more and more obvious today. An effective management of a city development in a new environment requires not just updating the methods but changing the approach in general, i.e. a change of urban planning paradigm. The article analyses the origins of today's urban planning methodology with its two dominant trends; the first one is from a historical perspective and the second one is from a philosophical point of view. The first part of the article offers a historical overview of how the theory and methodology of urban planning was developing including its origin, the gradual separation from architecture and development as an independent area of expertise, the subsequent rapprochement with the social sciences. The second part deals with the philosophical foundations of the two paradigms of contemporary urban planning methodology, i.e. a rational planning approach and communicative approach to planning. Finally, there is an attempt to integrate the two approaches made which requires changes not only on the part of urban planners, but also in the minds of ordinary citizens.

Keywords: methodology of urban planning, rational planning, communicative planning.

Савельева Екатерина Олеговна (Пермь, Россия) – ассистент кафедры архитектуры и урбанистики, Пермский национальный исследовательский политехнический университет (614990, г. Пермь, Комсомольский пр., 29, e-mail: ekaterina.starodubzeva@gmail.com).

Saveleva Ekaterina (Perm, Russian Federation) – Assistant Lecturer, Department of Architecture and Urban Planning, Perm National Research Polytechnic University (614990, 29 Komsomolsky prospekt, Perm, Russia, e-mail: ekaterina.starodubzeva@gmail.com).